территориальная целостность уже в качестве составной части Советского федеративного государства.

Учитывая особое значение в послевоенной и новейшей истории российско-литовских отношений проблемы Клайпеды, отдельно рассмотрим также историю «Мемельского вопроса».

Литература

1. *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952. С.300
2. Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С.630-632.
3. *Горлов С.А.* СССР и территориальные проблемы Литвы // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С.26.
4. *Даничев В.И.* Банкротство стратегии Германского фашизма. Т. I. М.: Наука, 1973. С.388-389.
5. ДВП СССР. Т. XXII, кн. 2. М., 1992. С. 134-136.
6. ДВП. 1940-22 июня 1941. Кн. 2, Ч. 1. М., 1998. С.302-304.

Окончание в «ГС» №5

Людмила ТЕРНОВАЯ

Идеи и образы мира в истории

Так сложилось, что в истории человечества мир воспринимался как естественное состояние, которое и в прошлом не подлежало ни мифологизации, ни торжественному воспеванию, кроме тех случаев, когда заканчивалась очередная война. Боги-воины или богини-воительницы занимали более почетные места в античных пантеонах, чем небесные покровители мира.

О том, как люди видели мир, можно судить по одному выдающемуся примеру. 2340 лет назад на Великих Дионисиях вторую награду получила комедия древнегреческого комедиографа Аристофана «Мир». Это произведение относится к «антивоенным» комедиям Аристофана и отличается оптимистическим, праздничным духом, что связывают с заключением Никиева мира в Пелопонесской войне. В комедии рассказывается, как виноградарь Тригей, уставший от войны и раздоров между греческими городами, на гигантском навозном жуке отправляется на небо, чтобы поговорить с Зевсом. Но, прибыв на небо, Тригей узнает от Гермеса, что Зевс с другими богами в отлучке, а вместо них в доме богов поселился бог войны Полемос. Полемос бросил богиню мира Ирину (отсюда происхождение названия науки о мире – иренологии) в пещеру и завалил пещеру камнями. А вместе с прислуживающим ему Ужасом Полемос собирается «стереть в порошок» греческие города в огромной ступке, изображающей войну. Тригей при помощи греческих поселян, составляющих в комедии хор, освобождает Ирину, а вместе с ней – Жатву и Ярмарку, в виде двух молодых девушек, и приводит их на землю. Все завершается свадьбой Тригея и Жатвы.

И хотя в комедии речь шла о так необходимом для греческих полисов мире, сам образ мира даже у Аристофана оказался размытым: богиню Ирину в постановке представлял не человек, а высокая статуя. Эта богиня древних греков, несмотря на то что вместе с сестрами горами, мойрами и харитами была дочерью Зевса и Фемиды, в древнейшее время даже не имела своего культа, не упоминалась в мифах, и только в 374 г. до н.э. на агоре в Афинах появился ее алтарь. Культ римской аналогии Ирины – богини Пакс – был введен Августом в знак установленного, как ему казалось, социального мира. Может быть, поэтому имя Пакс (Pax) зафиксировалось как обозначение социального состояния, характеризующегося отсутствием конфликта. На Пакс, как на персонификацию мира, был перенесен эпитет самого Августа – «Вечная». Но сами же римляне не верили в вечный мир, а употребляли выражение «Если хочешь мира – готовься к войне» (Si vis pacem, para bellum).

Поэтому не стоит удивляться, что отношение к миру не только в эпоху христианского Средневековья, но и с наступлением Нового времени было, в лучшем случае, ироничным. Так, в анонимной соти XVI века рассказывается, как беззаботные и веселые «дети Глупости» поступают в услужение к «Миру». Но оказывается, ему нельзя угодить, он капризен и придирчив. Тогда к «Миру» приглашают врача, который обнаруживает, что «Мир» одержим страхом перед мировой катастрофой, перед гибелью в потопе и огне. В заключение «детям Глупости» удается вернуть «Мир» к веселому настроению и беспечности.

То, что состояние мира связывалось с такими характеристиками, отнюдь не способствовало пониманию его как состояния не беспечности, а всеобщей ответственности. Поэтому и у Эразма Роттердамского в «Жалобе Мира» (1517) Мир

Людмила ТЕРНОВАЯ – доктор исторических наук, профессор кафедры национальной безопасности РАГС

говорит: «Когда бы смертные люди презирали меня, изгоняя и даже стараясь совсем уничтожить, чего я никак не заслуживаю, делали все это с пользой для себя, тогда я бы жаловался лишь на свои обиды и на их несправедливость. Но когда они изгоняют меня, источник всего их благоденствия, а сами погружаются в океан всевозможных бедствий, мне приходится больше оплакивать их несчастья, чем свои обиды. Теперь мне приходится сокрушаться и горевать об участи тех, на кого я должен был бы гневаться» [1].

XVI век стал периодом зарождения политического реализма в международных отношениях. Символическим выражением, характеризующим международную политику этого времени, можно считать слова английского дипломата, сэра Генри Уоттона: «Посол – муж добрый, отправленный на чужбину, дабы там играть на пользу своей стране» [2]. В Европе получил хождение особый термин, обозначающий посла, – «почетный шпион». Стоит ли удивляться тому, что воспитанный на подобных примерах знаменитый голландский юрист Гуго Гроций в труде «Три книги о праве войны и мира» (1625) попытался ввести войну в рамки правовых норм, а не доказать, что война противоречит им [3]. Появление этой работы пришлось на годы Тридцатилетней войны, завершившейся Вестфальским миром. Была создана новая система международных отношений, но отнюдь не установлен мир в Европе, хотя в истории XVII века даже был мирный договор, который его участники – Россия и Польша, – заключив в 1686 г., назвали Вечным миром. И только почти через сто лет Иммануил Кант после заключения Базельского мира* выдвинул проект установления «вечного мира», который может быть достигнут на основе просвещения народов и удовлетворения их экономических требований. Но как раз после появления трактата «К вечному миру» (1795 г.) человечество вступило в полосу самых жестоких войн [4].

А еще почти через столетие, предвидя не локальную, а мировую войну, социал-демократы II Интернационала озаботились антимилитаристским воспитанием молодежи. Однако у противников такого воспитания возможностей было гораздо больше – они обеспечивались самой государственной властью. Например, когда в Берлине в 1882 г. экспонировалась знаменитая картина В. Верещагина «Апофеоз войны», фельдмаршал Мольтке запретил офицерам кайзеровской армии посещать выставку. Еще через восемь лет фельдмаршал Шлиффен приказал сжечь книгу о самом художнике-баталисте, умевшем показать войну так, что, вызывая чувство гордости за героев-победителей, война не переставала даже после победы выглядеть трагедией, апофеозом которой было возведение новой «мировой горы» – из черепов.

Послевоенное (после Первой мировой войны) поколение было названо «потерянным», а поколение, вступившее в жизнь после Второй мировой войны, – «глухим», «молчаливым». В этих определениях дана оценка реакции молодежи на мировые катастрофы. Безусловно, в это же время появились активные антивоенные общественные движения, проводились международные конгрессы за мир и т.д. Но антивоенное движение в реалиях холодной войны не могло не проникнуться идеологическим содержанием, отражающим противоборство двух систем. За некоторыми его участниками закрепилось наименование «пацифистов» с преобладанием явно негативного смысла данного понятия. Отрицание войны как метода решения проблем этого противоборства рассматривалось как предательство по отношению к собственной системе.

Дуан Л. Кэди, профессор философии университета в Хемлине (США) утверждал, что в конце 80-х годов XX века господствующим стало мышление, морально принимающее и даже оправдывающее войну. Д.Л. Кэди назвал этот тип мышления «уоризмом» (от англ. war – война) [5]. По его мнению, корни уоризма лежали в некритически воспринимаемых западных ценностях, таких как автономия индивида, неприкосновенность личности, право на частную жизнь, собственность и свободу от вмешательства государства в жизнь человека.

Пацифисты, как правило, настаивают на том, что война сама по себе как общественное явление должна быть объектом суждения, т.е. само суждение по поводу войны должно быть гораздо более фундаментальным, нежели частные моральные оценки конкретной войны или ее отдельных аспектов. Но в истории всегда было так, что именно конкретные военные действия вызывали более бурную общественную реакцию, нежели общетеоретическое осуждение войны. Еще одним препятствием на пути распространения пацифистского видения мира стала тенденция смешивать пацифизм с пассивностью, проявляемой по отношению к участию в военных действиях. Кроме того, есть стремление сводить весь спектр пацифистских точек зрения к единственной крайней и совершенно абсурдной форме, абсолютно отрицающей какое-либо насилие. Все это создавало раньше и создает сейчас враждебный пацифизму социальный контекст.

Большинство вариаций пацифизма рассматривают цели и средства войны как неразрывно связанные и являющиеся лишь различными аспектами одного и того же действия. Один полюс пацифистского континуума представлен абсолютным пацифизмом, отрицающим без каких-либо допущений использование силы против человеческого существа (Л. Толстой, И. Кант, Т. Реган). На самом деле абсолютный пацифизм не слишком популярен в пацифистских кругах, но и эта позиция находила сторон-

---

* Базельский мир – так называются оба заключенных Французской республикой в Базеле в 1795 г. (5 апреля и 22 июля) мирных договора – первый с Пруссией, второй с Испанией.

ников в истории движения, например, эти идеи разделял Мартин Лютер Кинг.

Сторонники «эпистемологической» пацифистской модели считают, что если и можно оправдать коллективное насилие, ведущее к смертельным жертвам, то пока наши знания слишком малы, чтобы допустить применение насилия в реальной жизни. Поэтому выбор поведения зависит от масштаба военных действий, когда за основу рассуждений берется вероятность последствий войны. Однако в современных условиях их слишком сложно прогнозировать. Отсюда те, кто отстаивают преимущества «технологического пацифизма», считают, что в прошлом войну можно было оправдать не только в принципе, но и на практике, а вот военные средства, созданные в современном технологическом обществе, этого не позволяют. Война становится аморальной, так как государства склонны применять свои военные средства в полном масштабе. Вариантом «технологического пацифизма» выступает пацифизм «экологический», когда во главу угла ставится ущерб, наносимый не только человеку, но и природе. Наиболее слабая форма пацифизма – «прагматический», согласно которому войну нельзя оправдать в основном потому, что она увеличивает нищету.

Различные пацифистские установки влияют на выбор пути к построению позитивного мира, который предполагает культивирование чувства единства, усилия по созданию более широкого, гармоничного сообщества. Мировые реалии показывают, что многие из этих предлагаемых пацифистами методов построения такого мира существуют либо в теории, либо остались в истории антивоенного протеста.

Д.Л. Кэди заметил, что, кроме тех, кто разделяет установки уоризма или пацифизма, имеются люди, придерживающиеся такой специфической мировоззренческой установки, как «реализм». «Реализм» в отношении к войне рассматривает ее как неморальное, естественное явление. «Реалисты» могут напрямую и не проповедовать войну, им достаточно вынести ее за рамки моральных суждений [6].

Все это говорит о сложности понимания в наши дни сущности мира. Об этом можно судить по такому глобальному индексу, как «Всемирный рейтинг миролюбия» (Global Peace Index), представленному австралийским Институтом экономики и мира [7]. Рейтинг был составлен аналитическим группой исследователей Vision of Humanity, методология которой разрабатывается специалистами журнала The Economist, Центром мира и изучения конфликтов Сиднейского университета, а также другими аналитическими центрами. Этот рейтинг выводится всего три года. Его основоположником считается австралиец Стив Киллелеа – глава экспертной комиссии. Комментируя результаты исследования за 2008 г., он заметил, что, ему кажется, мир «стал более мирным. Это очень воодушевляет, однако страны движутся по дороге к миру маленькими шажками» [8]. Высоко оценили инициативу австралийца мировые лидеры, среди которых нобелевские лауреаты – архиепископ Д. Туту и экономист Дж. Стиглиц, президент США Дж. Картер, далай-лама и многие другие.

Показатель выводится из 24 количественных и качественных критериев, среди которых «индексы активности» по части внешних и внутренних конфликтов, политической стабильности, уважения прав человека, общественного спокойствия, индивидуальной безопасности, по уровню военизированности государства, числу сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих на 100 тысяч жителей. Учитываются также процент расходов на оборону в бюджете страны, уровень преступности, доступ граждан к оружию, сообщения о применении силы при разгоне акций протеста, численность заключенных в тюрьмах, объем торговли оружием, отношения с соседними странами, уровень безработицы, образованности и культуры и др. По каждой из категорий стране начисляются баллы: чем их меньше, тем выше место государства в рейтинге. В целом этот рейтинг состоит из двух индексов: мира внутри страны и миролюбивости в отношениях с другими государствами. 60% общего индекса приходится на степень мира внутри страны, а 40% – на уровень мирных отношений с другими государствами.

В рейтинге за 2008 г. Российская Федерация заняла 131 место из 140 возможных. Ниже России в списке только Ливан, Северная Корея, Центрально-Африканская Республика, Чад, Израиль, Афганистан, Судан, Сомали и Ирак, замыкающий список. Опередили Россию Пакистан, Мьянма, Венесуэла, Зимбабве и Украина. Самой миролюбивой страной в прошлом году была признана Исландия, где нет постоянно действующей армии, зато зафиксировано самое малое число заключенных. Исландия потеснила лидера 2007 г. – Норвегию.

А в 2009 г. первое место получила Новая Зеландия благодаря относительно низкому проценту насилия в стране, снижению расходов на вооружение и проведенным парламентским выборам, в результате которых к власти пришла Национальная партия. Кроме того, в этом государстве отмечены низкие показатели по числу убийств и высокий уровень уважения к правам человека. По словам директора новозеландского Национального центра исследований мира и конфликтов, профессора Кевина Клементса, индекс стал отражением чувств тех людей, которые хотят жить в своей стране и делают для ее благополучия все необходимое. «Посмотрите на первую двадцатку, – отметил К. Клементс. – В нее вошли небольшие государства, в которых сильны принципы благосостояния и мудрого правления» [9]. Действительно, за Новой Зеландией следуют Дания, Норвегия, Исландия, Австрия и Швеция.

США занимают в списке 83-е

место, между Украиной и Казахстаном. Великобритания располагается на 35-й строчке рейтинга, после Ботсваны и перед Италией. Франция на 30-м месте опережает Румынию и Польшу, но уступает Коста-Рике. Россия, заняв одно из последних мест, оказалась хуже Северной Кореи: из 144-х позиций наша страна на 136-й строчке, а КНДР – на 131-й. В региональном срезе Россия также стала самой воинственной в Центральной и Восточной Европе. Как в общем, так и в восточно-европейском рейтинге рядом с Россией стоит Грузия с показателем в 2,736 пункта (индекс по этой стране исчислялся впервые). Последнюю строчку занимает Ирак. Его опережают Афганистан, Сомали, Израиль и Судан.

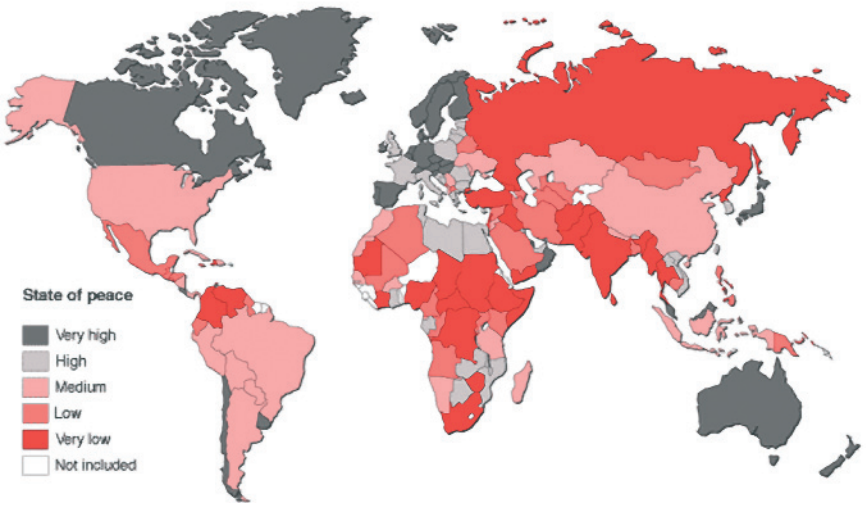
Разумеется, Global Peace Index – такой же не безупречный показатель, как и большинство рейтингов международных неправительственных организаций. Однако игнорировать его результаты не стоит, поскольку они влияют на международный имидж страны. Более того, важно проводить сравнение наиболее востребованных мировым сообществом рейтингов. Их данные являются своеобразным научным или общественным сертификатом надежности государства с точки зрения эффективности развития с ним взаимовыгодных контактов, инвестиций, выбора его территории как места отдыха, а учебных заведений – как места учебы и т.д. В случае низких показателей международное сообщество, его члены получают информацию, предупреждающую о тех рисках, которые таят в себе связи с этой страной.

Конечно, в силу того, что результатами рейтингов можно руководствоваться не только в исследовательской области, но и в сугубо практической, к данным ряда из них следует подходить с известной долей критики. Надо учитывать, что многие центры, занимающиеся их составлением, не свободны от политических и геополитических пристрастий, у некоторых не хватает данных для формулирования корректных выводов, не всегда такой в полном смысле слова глобально значимой квантификацией занимаются профессионально подготовленные люди. Поэтому при анализе состояния международных отношений нельзя руководствоваться данными какого-либо одного рейтинга, а необходимо стремиться к расширению массива данных для исследовательской работы.

Интерес к такого рода измерениям современного миропорядка проявляется и в России. В частности, МГИМО (У) МИД России совместно с Институтом общественного проектирования и при поддержке журнала «Эксперт» организовали инновационный научно-исследовательский проект «Политический атлас современности: опыт многомерного статистического исследования» [10]. В ходе этого проекта проводилось глобальное сравнительное исследование 192 суверенных государств, и были разработаны их типологии. Они позволяют классифицировать государства на основании сравнения индексов государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, качества жизни и институциональных основ демократии. К сожалению, данный проект не затронул проблему борьбы за мир.

В современном неспокойном мире важно расширять исследования мира у нас в стране и, может быть, следует обратиться к опыту специализированных учреждений, перечисленных выше, чтобы и в отечественной политологии это направление развивалось в рамках собственного института мира. Тогда мы вместо вопроса «Хотят ли русские войны?» чаще станем задавать другой вопрос – «Готовы ли мы отстоять мир?»

«Всемирный рейтинг миролюбия» – Global Peace Index 2009

Литература

1. http://www.bookz.ru/authors/rotterdamskii-erazm/mir/1-mir.html
2. Цит. по: *Ивонин Ю.Е.* У истоков европейской дипломатии Нового времени. Минск, 1984. С.13.
3. *Гроций Г.* О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1957.
4. *Кант И.* К вечному миру / Подготовка текста и вступительная статья А.В. Гулыги. М., 1989.
5. *Cady D.L.* From warism to pacifism. Philadelphia, 1989.
6. *Кэди Д.Л.* От уоризма к пацифизму. Моральный континуум. М., 1992. С.6.
7. Global Peace Index. http://www.visionofhumanity.org
8. *Химшиашвили П.* Россия вошла в десятку самых воинственных стран мира. Global Peace Index // Газета. 2008. 21 мая.
9. Прайм-ТАСС. 2009. 3 июня.
10. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического исследования политических систем современных государств. М., 2007.